

СПРОСИТЕ У НАГИБИНА

ЮРИЙ НАГИБИН относится к тому небольшому и счастливому числу писателей, которых читают. Не преклоняются перед былыми заслугами в области создания «нетленок» (или — во имя нынешних клановых интересов, не имеющих ничего общего с изящной словесностью), а именно — читают. А ведь есть и былые заслуги (вспомним сценарии фильмов «Председатель», «Чайковский», в конце концов — «Гардемаринов», рассказы в культурологическом русле...), и клановые интересы (всем известны политические, демократические симпатии Мастера русского рассказа). И все-таки главную роль играла и играет литература — сделанное, написанное. Сделанного, написанного оказалось достаточно, чтобы выпустить собрание сочинений. Недавно вышедший 10-й том своими выходными данными говорит о Времени и о Себе (то есть — об авторе): автор — Юрий Нагибин; составитель — Ю. Нагибин; издание осуществлено за счет средств автора — Ю. Нагибина... «Tempora mutantur, et nos mutamur in illis» — «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними», — сказал бы старинный немецкий поэт на латыни. А мы скажем на русском: это в духе Нагибина — стать своим же издателем...

Настоящий писатель — неотвечный вопрос: не потому, что совсем нет ответа, а потому, что нет необходимости в этом ответе. Но есть насущная потребность — в поиске ответа! Как в том анекдоте: главное не результат, а процесс поиска... Неотвечных вопросов Юрий Нагибин задавал своим читателям предостаточно. У каждого, кто прочитал его большую или малую прозу, найдутся свои вопросы (не говоря уже о претензиях!) к Мастеру. Вышедший 10-й том сочинений заставил задуматься и автора этих заметок. В него вошли повести и рассказы писателя. Они знакомы нам по предыдущим публикациям. Но сведенные в собрание сочинений, составленное самим Мастером, приобрели новое освещение.

Внимание остановил рассказ (или небольшая повесть) «Ненаписанный рассказ Сомерсета Моэма». Рассказ чисто «нагибинский»: отправной — документальный — момент («из реки по имени Факт») становится каплей, из которой раскручивается Вселенная — повествование. Если верить, кажется, теории Евреинова, то художник, рисуя портрет, неминуемо обречен изобразить самого себя. Строки Нагибина, посвященные встрече, описанию, разговору с Моэмом, кажутся автопортретными: «Тут сразу обнаружилось, что по натуре он рассказчик, а не собеседник, мастер монолога, а не диалога», «Художник не может быть ничем, кроме того, что он есть. Все остальное — игра»...

Вот вам первый неотвечный вопрос: что есть монологи Моэ-

ма в пересказе Нагибина?

«Жироду убили из зависти, — сказал Моэм. — Он был слишком талантлив, слишком знаменит, слишком блестящ и к тому же на редкость удачлив. Он шел от успеха к успеху, ни разу не оступившись... Чересчур много для одного человека...»

«Чем хорошо творчество? Оно дает иллюзию сближения с собой. Знаете, что мне доставляло наибольшее удовольствие, когда я садился за очередной роман? Примерять новую маску. Так называли критики мой обычай уступать роль рассказчика кому-то, кто не совсем я. Впрочем, когда я выступал под собственным именем, они считали это наиболее изощренной маскировкой...» (не ключ ли это к неотвечному вопросу: ведь сам рассказ — сплошной монолог Моэма, иногда прерываемый гостем — Нагибиным; «Ей-богу, мы впадаем в Ивлину Во! — Никуда мы не впадаем, — последовал незамедлительный ответ, — и власть не можем. Это мистер Ивлин Во вытек из меня, когда я зазевался»).

«Что мы знаем о сожженных рукописях? Существующая литература — это то, что не сожгли и не скрыли. Ее много, очень много, а вот есть ли в ней смысл? Раз все миллионы написанных книг не могут помешать ни войне, ни мирному убийству, ни насилию, ни предательству, ни всем формам подавления человеческой личности, значит, литература не нужна. Но кто знает, какой бы царил разбой, если б не литература. Да и можно ли исходить из критерия нужности?.. Если жизнь — состояние, а не предприятие, — жалко, что эту формулировку придумал не я, а Жан Ренуар, откуда такая прыть у киношника? (напомню, это монолог Моэма! — А.Щ.) — то надо жить, доверяясь самой жизни, и не опутывать ее правилами. Значит, вовсе не обязательно сжигать рукописи, ведь они чему-то соответствуют в прожитых днях, они частица жизни и принадлежат ей, а не нам, как листья и трава...» (как вам нравится игра Моэма в Жана Ренуара — в пересказе Нагибина, да еще с раскавыченной и вольной цитатой Уитмена?!)

Итак, вопрос близок к формулировке: что же здесь от Нагибина, а что от Моэма? И вообще, кому принадлежит пальма первенства? А чисто поэтические формулировки: назови их верлибрами — и они составят книгу стихотворений! Позволю себе эксперимент (раз Нагибин позволяет его, так и рецензенту может быть дозволено!):

*Вы не живете окружающим,
вы паразитируете на нем:
А когда душа свободна от
замысла,*

*все в радость и удивление:
свежесть травы, дождевые
капли на ветвях,
птицы, свет и запах земля-*

*ники —
все источник счастья.
Наименьшее — человек.
Он всегда многозначен и по-*

тому удобен.

Продолжим эксперимент:
*Выразить себя до конца
и, уходя, истребить создан-*

*ное —
вот высшее бескорыстие
творчества.*

*Этим поступком человек
становится*

*выше Бога,
ибо стирает со стекол веч-*

*ности прекрасное,
Господь же все не отважит-*

*ся прибрать
за собой после провалившего-*

ся эксперимента.

Снимем знаки препинания (для удобства глаз постмодернистического скоса) — и задумаемся: кто автор этой поэзии? Если — Моэм, то Нагибин, по крайней мере, сидел и беседовал с ним со спрятанным диктофоном (как бы хотелось проделывать подобное автору этих строк с несколькими людьми — Евтушенко, Кожиновым, тем же Нагибиным, в конце концов!). Память вряд ли способна зафиксировать содержание и форму монолога, явно идущего без синхронного перевода.

Пересказ? Но если «мысль изреченная есть ложь», то пересказ «лжи» — дважды ложь — в смысле несоответствия первоначальному, первородному замыслу.

Нагибин? Но при чем тогда здесь Моэм?

Перелистаем книгу назад: «Знаете, что мне доставляло наибольшее удовольствие, когда я садился за очередной роман? Примерять новую маску...». С чем мы имеем дело? С примериванием маски? С тем, что (перелистаем еще несколько страниц назад) «все остальное — игра»? (как не вспомнить мандельштамовское: «Играй же на разрыв аорты...»).

Итак, один рассказ — а неотвечных вопросов — что сельдей в бочке бывшего Елисеевского в бывшие времена!

Сомерсет ли Моэм играет во Льва Толстого, обогащенного чтением Хемингуэя (Жироду, Пруста, Жана Ренуара — нужное подчеркнуть)?

Юрий ли Нагибин играет в собеседника Сомерсета Моэма, играющего, в свою очередь, во Льва Толстого?

Или Юрий Нагибин играет в самого Моэма?..

Независимо от ответа (напоминаю: главное — его поиск, а не найденность!), читать интересно, ко сну не клонит (тоже ценное качество литературы!) — и какое-то остается состояние ошеломленности ли, одуроченности, собственной недотепности — светлой, впрочем! Да и соблюдается функция всякого искусства: не мешать жить!

Вопрос на засыпку: кто автор последних слов: Моэм, Нагибин, автор этой заметки?..

Ответ: ты, читатель!

Ну, а когда искусство мешает жить, оно снова на все сто выполняет свою функцию! На то оно и искусство! Спросите у Нагибина! И если Юрий Маркович ответит, — переспросите!

Александр ЩУПЛОВ.